

Алина Арканникова

10 класс, школа «ГТиШБ», Санкт-Петербург

Рецензия на спектакль «Пьяные» (Большой Драматический Театр имени Г. А. Товстоногова)

«Мне приснилось небо Лондона»

Об этом спектакле говорят уже не первый год, на каждом показе аншлаг. За несколько минут до начала на балконе третьего яруса продают дополнительные входные билеты. Для самых стойких зрителей, которых набирается порядка двадцати человек. Лёгкое волнение, ожидание чего-то грандиозного. Это всё об одной из лучших постановок Андрея Могучего – о «Пьяных».

Первое действие. В зале слышен смех. Из тихого хихиканья он постепенно превращается в оглушительный, самозабвенный хохот. Как-то странно, неприлично даже, но никак не остановиться.

Проходит два с половиной часа. Заплаканные глаза, черные полосы на щеках, и ты понимаешь, что если и смеяться на этом спектакле, то только над собой.

Поначалу психика сопротивляется. Намеренно относит происходящее к категории «шутки про алкоголь», бережёт своего обладателя как может. И не зря. На сцене все два с половиной часа – один «маленький человек» в разных обличьях. Один и тот же страх, боль, одиночество, где-то – неизбежность смерти, где-то – неизбежность долгой несчастной жизни. Время – просто «ночь», место – просто «улица», имена у героев максимально отвлеченные. Потому что здесь не о каких-то определенных людях, которые одной определенной ночью выпили лишнего и отправились в путешествие по улицам своей определённой страны. Здесь о нас, о всех нас – в общем и о каждом в отдельности.

«Пьяные» – спектакль-провокация. Взрывное сочетание индийской медитационной мантры, цитат из иранского артхаусного кино, Эми Уайнхаус, Синатры и персидской поэзии. Людей, которые всю жизнь смотрят только классические постановки и ничего другого не приемлют, даже само название может

повергнуть в праведный ужас. Это тот самый случай, когда во время антракта часть зрителей уходит. Здесь вообще имеет место быть полярность оценок: либо человек говорит: «Бред!», либо «Потрясающе!», третьего не дано.

Постановка начинается с довольно необычного сочетания видео- и аудиоряда. Контраст между бесплотной, меланхоличной мантрой-медитацией и идущим на ее фоне безбожно ярким фрагментом из индийского кино – контраст восприятия мира Пьяными. Общепринятый образ мышления, приличия и вся эта поверхностная мишура перестает что-то значить, из плоских персонажей усовершенствованной версии герои становятся обычными смертными. И вдруг понимают, что именно такой, как эта сцена из «Мистерии» – банальной, пластмассовой и неправдоподобной – была вся их жизнь.

«Мантра Любви и Нежности» – лейтмотив постановки, в ней уже заложен тот самый простой и, на самом деле, старый как мир меседж Ивана Вырыпаева. А ещё это своего рода гипноз, настраивающий зрителя на тональность «Пьяных». До того хорошо настраивающий, что, выйдя на улицу после спектакля, ты какое-то время просто стоишь, смотришь в пустоту и не можешь переключиться, и потом еще пару дней Мантра не выходит из головы в принципе. Похожий приём используется Андреем Могучим и в «Губернаторе» (там это ультразвуковой писк).

Образ пьяного здесь нельзя понимать буквально. Все герои пьяны не потому, что Могучий и Вырыпаев хотят сказать: «ребят, алкоголь – это плохо». Просто так легче показать состояние отреченности от бытового. К тому же, у каждого героя на то, чтобы выпить (ну и немного перебрать), был свой повод. Макс (Виктор Княжев) в преддверии свадьбы (явно не по любви) устраивает мальчишник, на который его друзья приглашают проститутку (Юлия Дейнега); у Карла (Анатолий Петров) годовщина смерти матери; Лаура (Варвара Павлова) пытается с помощью алкоголя пережить свадьбу своего бывшего Лоуренса (Василий Реутов) и лучшей подруги Магды (Алёна Кучкова), втянув в это и новобрачных; Марк (Валерий Дегтярь) узнает о том, что у него рак последней стадии. Хотя элемент романтизации алкоголя всё же присутствует и это, наверное, единственное непрочное звено постановки.

Нельзя не признать, что в реальности алкогольные речи звучат совсем по-другому, да и вообще, обращение к таким серьёзным проблемам требует определённого такта. Как говорится: нет предела совершенству.

Речь героев – набор библейских истин, которые смешались со «случайными» ассоциациями и многократными повторами. Их разобрали на цитаты ещё в каком-то далёком веке, и они уже прошли весь путь от нравоучений детям власть имеющих до сборника «ванильные статусы для Вконтакте». На первый взгляд, не текст – а издевательство над тонкой душой критика. Но за избитыми выражениями – невероятная красота, музыкальность образов и заложенной мысли, замшелым консерваторам недоступные. Как выразился Вадим Рутковский: «Могучий почувствовал глобальность и универсальность драматургического посыла, выведя, наконец, вырыпаевский текст из подвального гетто, на свет, к людям».

Сцена – небольшая наклонённая площадка, окруженная паутиной металлических конструкций, напоминает боксерский ринг без передней стенки. Общее оформление выполнено весьма аскетично, но со вкусом. Нет смысла в масштабных и сложных декорациях. Здесь важен сам человек, живой и, зачастую, слабый. Яркий фон только мешал бы восприятию.

Погружение абсолютно и безоговорочно. Играть пьяного в принципе очень сложно, а здесь, в особенности у старшего поколения актёров, наслаиваются ещё и страх одиночества, осознание своих ошибок, груз многолетней лжи и понимание того, что время всё-таки чертовски быстротечно. Невероятно органично выглядят моменты вроде того, когда народная артистка России Марина Игнатова в лице своей героини, 40-летней Лоры, завершает рассказ о смерти своего брата фразой: «Я хочу блевать». Потому что сами актёры находятся не на сцене перед зрителями, а внутри этой истории. Это яркий пример воплощения одного из главных принципов системы Станиславского: не играть, а жить. Актёры невероятно вовлечены в процесс, даже спустя несколько лет после премьеры, на, наверное, уже сотом показе «Пьяных». И даже несмотря на запрет на использование обсценной лексики в театре, актёрам хватает драйва и абсолютно безбашенной энергии, чтобы зритель кожей

почувствовал электрические разряды того, что имело место быть в оригинальном тексте.

В начале спектакля пол покрыт матами, которые защищают от болезненных падений, но один за другим они исчезают, в итоге никакой страховки нет в принципе – только голый пол. Ложь – та же самая псевдо-страховка. Попытаться отказаться от неё, когда она уже опутала тебя с ног до головы – сродни самоубийству, никто кроме пьяного или сумасшедшего на такое решиться не смог бы. Или смертельно больного героя Валерия Дегтяря – Марка. Ему осталось жить 4 месяца, терять уже нечего. Он как никто другой ощущает на себе последствия этого тотального обмана, этот огромный кредит, как он выражается, с набежавшими процентами, который почти невозможно отдать. Его «столкновение» с Розой в последней сцене символично. С одной стороны – 46-летний директор кинофестиваля, с неоперабельной стадией рака и грузом осознания своих ошибок, своего «кредита», пытающийся отдать всё, что взял. С другой – совсем ещё молодая проститутка, впервые в жизни задумавшаяся об этом. Монолог Марка, когда он душит Розу – апогей как его личного конфликта, так и всего спектакля.

Отказаться от лжи – значит удариться об этот голый пол так сильно, насколько это вообще возможно. Только так и можно выйти порочного круга, потому что «босс космической мафии не выпустит нас из грязного туалета, пока мы не заплатим по счетам и всё-всё не отдадим». С самого начала разные герои так или иначе говорят об этом, и уже буквально кричит Марк. Всё просто до безобразия, каждая мысль, высказанная постепенно трезвеющими героями во время их «озарений» далеко не оригинальна. На каждый аргумент есть свой контраргумент, потому что здесь показана правда, которую невозможно разделить на «плюс» и «минус» и вынести одну абсолютную мораль в лучших традициях школьной программы. Конечно мораль здесь есть, ей очень сложно пренебречь, ведь, цитируя бессмертного Константина Сергеевича: «Вот они пришли, мы закрыли за ними двери, напустили темноту и можем вливать им в душу всё, что захотим». Всё-таки театр должен воспитывать.

С другой стороны, «Пьяные» романтичны, возможно, даже слишком романтичны. Там, где в обыденной действительности начались бы настоящие Содом и Гоморра, здесь появляется лёгкое и изящное решение. Появляются все эти «жизнь есть любовь» и «никому не ссать», так и источающие пленительную витальность и веру... во что-то, неважно, во что. Прийти на этот спектакль стоит хотя бы для того, чтобы тебе напомнили о главном и прекрасном. Ради «когда любишь, всегда валяешься на полу, потому что земля уходит из-под ног» и других красивых своей простотой истин.

А ещё чтобы убедиться, что БДТ имени Товстоногова был, есть и будет гарантом качества. Чтобы убедиться, что искусство живет и дышит. И пусть даже в жизни всё не так просто, как хотелось бы, мы можем и должны что-то менять. Чтобы посмотреть – и поверить. В жизнь, в любовь, в себя – поверить.